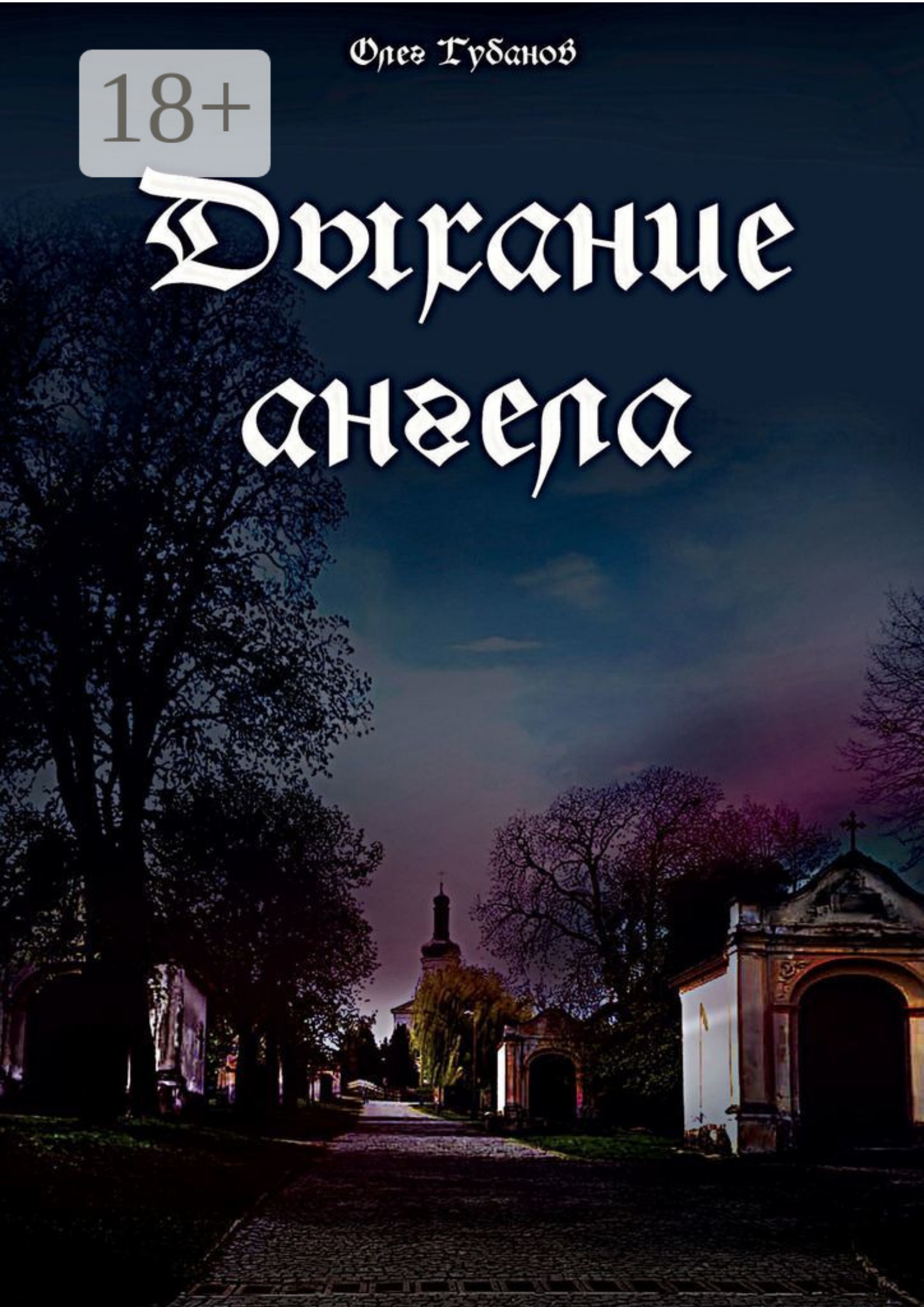

Олег Турбанов

18+

Дыхание ангела

Олег Губанов

Дыхание ангела

«Издательские решения»

Губанов О.

Дыхание ангела / О. Губанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513554-4

Поиски могущественного древнего артефакта приводят главного героя в Венецию. Очувтившись в легендарном городе на воде, он погружается в удивительный мир, в котором современная реальность благополучно соседствует с древней мистикой. Сотни лет магический предмет был надежно сокрыт за стенами старинного фамильного особняка. И вот наконец близок час, когда приоткроется завеса великой тайны рода Фалди...

ISBN 978-5-00-513554-4

© Губанов О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1. Первая встреча с итальянцем	8
2. Маэстро	10
3. Завещание	14
4. Иллюзорные зеркала	17
5. Москва – Венеция	21
6. Во дворце дождей	25
7. Легенда	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дыхание ангела

Олег Губанов

© Олег Губанов, 2020

ISBN 978-5-0051-3554-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**«Я окидываю взором всю Италию:
нет в ней больше ни крепости, ни монастыря,
кои бы не дрогнули, не склонились;
и только сей город по-прежнему стоит,
гордо подняв голову...»**

Бернардино Окино. 1539 год

Пролог

«Отчего же так тихо?» – вдруг подумал Андрей. Он сидел один, уже много минут, в комнате за огромным круглым столом, не двигаясь и устремив свой взгляд в пустоту. Непривычная тишина словно обволакивала его, подобно незримому пуховому одеялу, мешая пошевелиться. И даже большие старинные часы на стене, собранные более ста лет назад в легендарной мастерской Генри Мозера, не издавали ни звука... Их завод давно иссяк, а заводить часы в этой опустевшей квартире было некому.

За окном уже много дней стояла ясная, жаркая погода, и в воздухе не было даже малейшего намека на ветерок. Полуденное солнце накрыло Москву раскаленным маревом, замедлив ее жизненные процессы до состояния, близкого к анабиозу. Уставшие от непривычной жары горожане прятались по домам и тенистым паркам, по привычке ругая не угодную им погоду. Для большинства из них этот июльский день, за исключением аномальной жары, был абсолютно заурядным. Но только не для него!

«Совсем как тогда...» Андрей вздрогнул и нахмурился. Прошло около года с тех пор, как неумолимый и роковой водоворот событий закружил его в дьявольском танце, разрушающем все, что было ему близко и дорого. Это был уже не тот беззаботный мальчишка, окончивший институт и стоящий на пороге большой жизни... За столом сидел, как казалось, немолодой уже мужчина с уставшим взглядом и лицом, которое постоянно находилось в нервном движении. Минувший год отнял у него слишком много. И вопреки ожиданиям, взамен не принес ничего. «Ничего... Но вдруг!» Внезапно он вскочил из-за стола, опрокинув стул, и рывком подбежал к старому дубовому серванту с посудой. Медленно-медленно он открыл дверцы и, замерев на несколько секунд, снял с верхней полки стеклянный кубок. Некоторое время Андрей, словно удивленно, разглядывал его, чуть поворачивая в руке. При этом лицо его выражало то страх и отвращение, то радость и восхищение.

– Сейчас проверим. Сейчас все проверим... – прошептал он и аккуратно поставил кубок на центр стола. Это был изящный высокий бокал из муранского стекла на длинной витой ножке. В нем не было золотой вычурности и пестроты красок, характерных для венецианского стиля. Но при ближайшем рассмотрении на его широкой чаше можно было заметить филигранно выполненный кольцевой узор из фигурок белых танцующих ангелов с черными крыльями, которые были расправлены и выступали в стороны от поверхности бокала на довольно значительное расстояние. Позы ангелов и направление их крыльев создавали иллюзию, что бокал вот-вот оторвется от стола и взвьется в воздух. Сама же чаша, выполненная в технологии *scaguele*, была покрыта бесчисленными трещинами. И казалось, что «хоровод» ангелов как бы сдерживает кубок, не давая ему рассыпаться на мелкие осколки. Андрей достал из потрепанного спортивного рюкзака бутылку вина и снова замер.

Он вспомнил знаки, которые подбрасывала ему судьба и которые он упорно отказывался замечать. По какой-то не известной ему причине пить из этого бокала в их семье было запрещено. А использовался он исключительно в качестве вазы для миниатюрных букетов из ландышей и лесных фиалок, которые очень любила его мать. Но Андрея всегда удивляла не эта странность, а тот факт, что цветы, поставленные в эту необычную вазу, никогда в ней подолгу не задерживались и уже через пару часов увядали, с сожалением отправляясь в мусорное ведро. Причем необъяснимое упрямство его матери, которая снова и снова ставила живые букеты в эту «мертвую» вазу, было за пределами его понимания. И уже повзрослев, Андрей решил для себя, что таким странным образом она отдавала дань памяти кому-то или даже совершала некое жертвоприношение. Любые разговоры на тему сего сакрального обряда она пресекала, но любила рассказывать Андрею про этот стеклянный предмет разные небылицы. Якобы это была крошечная часть огромного наследства, которое осталось в Италии от их дальних

предков. Все связи с возможными родственниками на чужбине были давно потеряны. Оно и понятно! Ведь еще совсем недавно граждане, имевшие кровные узы с иностранцами, находились под пристальным наблюдением «особых органов», а в былые времена могли из-за этого факта и вовсе лишиться свободы, а то и жизни.

С этим загадочным бокалом у молодого человека было связано множество детских воспоминаний. И самое яркое, навсегда врезавшееся в его память имело поистине мистическую подоплеку. Однажды очередной высохший букет был забыт на столе на ночь. А поутру Андрей оказался свидетелем настоящего чуда: оставленный мертвый пучок вновь превратился в связку свежих душистых цветов! Мать, увидев это преобразование, сперва сильно разозлилась, решив, что Андрей ночью подменил цветы. Но быстро остыла и ласково погладила его по голове, поблагодарив за приятный сюрприз. Вот только он тогда был еще в том раннем возрасте, когда о подобных галантных поступках даже не помышляют!..

Окутанный флером теплых и в то же время болезненных воспоминаний, Андрей откупорил бутылку с вином и неторопливо налил полный бокал.

– Жизнь или смерть! – воскликнул он и взмахнул рукой, словно в честь незримого собутельника. В этот миг ему показалось, что ангелы ожили и начали свой круговой танец. Танец без музыки, в мертвой тишине...

«Отчего же так тихо?» – снова подумал Андрей и залпом осушил содержимое бокала...

1. Первая встреча с итальянцем

А началась эта история действительно ровно год назад. Таким же жарким июльским субботним утром 1997 года Андрея разбудил звонок в дверь его холостяцкой квартиры в Казарменном переулке. И звонок этот был не настойчивой и бесконечной трелью соседей снизу, которые спешат напомнить вам о незакрытом со вчерашнего вечера кране в вашей ванной... Это был осторожный и вкрадчивый сигнал, словно извиняющийся и как бы слегка намекающий на то, что к вам пожаловал кто-то незванный. После первого звонка, не до конца проснувшись, балансируя на грани сна и яви, Андрей слегка приоткрыл глаза, но тут же снова их сомкнул, проваливаясь обратно в сладкий мир сновидений. Но повторная, более настойчивая трель окончательно стряхнула с него все остатки сна. Шаркая тапочками по скрипучему паркету, он неспешно подошел к двери и сонным невежливым голосом тихо поинтересовался:

– Кто там?

– Заранее прошу прощения! Мне нужен Андре Фалди, – раздался из-за двери голос с сильным иностранным акцентом. – Я попал по адресу?

Андрей на некоторое время оцепенел, переваривая услышанные слова. Его привычные русские имя и фамилия прозвучали абсолютно по-чужому. И ломаное произношение незнакомца усилило это ощущение.

– Наверное, вы ошиблись, – растерянно ответил он. – Здесь проживает только Андрей Павлович Фалдин. Всего хорошего!..

– Еще раз извините за беспокойство! Это – Казарменный переулок, дом 9, квартира 24?

– Да, все верно! Но я не уверен, что вам нужен именно я.

Незнакомец за дверью зашелестел какими-то бумагами и зашептал что-то на итальянском языке. Потом продолжил:

– Разрешите представиться! Мое имя Франческо Тоцци. Я атташе по культуре посольства Италии в Москве. У меня есть важное письмо для Андре Фалди, который проживает именно по этому адресу.

Последняя фраза незнакомца пересилила осторожность Андрея, и, немного подумав, он открыл дверь. Перед ним стоял высокий худощавый мужчина, на вид около 60 лет. На нем был длинный белый плащ и лакированные туфли. В одной руке он держал черный портфель, а в другой – зонт-трость с бамбуковой ручкой. В его прямой осанке и манере держаться было что-то благородное и аристократическое.

Так осторожно и вкрадчиво на пороге квартиры и в жизни Андрея возник этот странный человек, впоследствии перевернувший всю его судьбу...

– Мое имя Франческо Тоцци, – широко улыбнувшись, настойчиво повторил гость и протянул Андрею визитную карточку. – И мне очень нужен Андре Фалди.

– Видимо, тут какая-то ошибка или совпадение, – пробормотал Андрей, пожимая плечами и приглашая гостя войти в квартиру. – Вы называете имя, которое очень похоже на мое. Но я русский. А вам определенно нужен иностранец. Впрочем, адрес вы назвали действительно мой...

Итальянец, словно не слыша слов Андрея, неспешно прошел в гостиную и молча осмотрелся по сторонам. Его цепкий взгляд быстро и внимательно изучил комнату, задержавшись на мгновение на каждом предмете, попавшем в поле его зрения: старинный дубовый буфет, настенные часы, книжный шкаф, трюмо, большой круглый обеденный стол и одинокий деревянный стул «бистро»...

– Не любите гостей? – вдруг спросил он, кивнув в сторону стола.

– Простите? – растерянно спросил Андрей. – Каких гостей?

– За таким огромным столом должна быть целая дюжина стульев! – громко воскликнул итальянец и, не церемонясь, уселся на единственный в комнате стул.

– Кстати, я на днях уже приходил, но не застал вас дома. Я уж было испугался, что вы уехали в отпуск или сменили свое место жительства. К счастью, ваша соседка развеяла мои сомнения, любезно сообщив мне, что вы в городе. Правда, от этой пожилой дамы я не смог добиться больше никакой информации...

Затем, прислонив зонт к ножке стола и дважды звонко щелкнув пальцами, он впился своими глазами в фигуру молодого человека. От его пронзительного взгляда Андрею стало крайне неуютно, и он решил первым нарушить возникшую паузу:

– Сейчас я покажу вам свой паспорт, и все встанет на свои места.

– Не надо, не надо! Мы сто раз все досконально проверили, – небрежно взмахнув рукой, произнес итальянец. – Теперь я абсолютно уверен, что вы именно тот, кого мы ищем. Да вы можете и сами в этом убедиться...

И итальянец извлек из своего портфеля небольшой конверт и фотографию.

Он аккуратно положил фотографию на стол и одним пальцем пододвинул ее в сторону Андрея. Это был очень старый, потускневший от времени черно-белый снимок. С него на Андрея смотрел молодой мужчина в светлом костюме, сидящий на каменной скамье. Одной рукой он опирался на трость, во второй держал сигару. За его спиной виднелся еле различимый герб с крылатым львом.

– Я все еще не понимаю, при чем здесь я? – возмущенно спросил Андрей.

– Извольте подойти с этим фото к зеркалу, – предложил, слегка улыбнувшись, Тоцци.

Андрей раздраженно взял старую фотографию и подошел к трюмо. Он уже был готов взорваться и вышвырнуть из квартиры гостя, со всеми его загадками! Но взглянув на себя в зеркало, он буквально остолбенел! Он перевел взгляд со своего отражения на фото и вновь на зеркало. И так несколько раз. Это было невероятно, но и там и там он видел одно лицо! Даже его прическа, с непокорной челкой, была один в один, как у человека с фотографии! Перевернув фото, он прочитал на обороте надпись: «Venezia, 1903». Целый сонм мыслей мгновенно пронесся в голове Андрея. И первое, что пришло ему в голову, – это выбежать из квартиры, заперев в ней странного гостя, и незамедлительно вызвать милицию. Ибо для Андрея было очевидным, что даже если этот «итальянец» не мошенник, то уж точно очень подозрительный тип!

– Молодой человек, – голос итальянца вывел Андрея из оцепенения, – я вижу, что вы, наконец, удостоверились в том, что я не ошибся квартирой. Теперь вы позволите мне перейти к главной цели моего визита?

2. Маэстро

Несмотря на крепкое здоровье и ясный ум в 78 лет маэстро Доминика Фалди все чаще стали посещать мысли о неотвратимости смерти. Когда-то у него не было ничего, кроме свободы и таланта! И благодаря своему трудолюбию он получил от жизни все, о чем мечтал в юности, и даже больше. Но сейчас, глядя на обжигающее пламя стекольной печи, он чувствовал пустоту и одиночество, которые с каждым прожитым годом тяготили его все сильнее. Его единственная жена много лет назад умерла во время родов второго наследника, двое повзрослевших сыновей разъехались, не пожелав продолжить дело его жизни...

Да, он давно был несметно богат и уважаем, а его имя вписано в Золотую книгу самых почетных граждан Венецианской республики. Помимо знаменитой мастерской на острове Мурано, в которой он сейчас находился и где провел большую часть своей жизни, он имел великолепный фамильный дворец в Венеции. Но как это часто бывает в жизни, в погоне за славой и богатством он растерял молодость, близких и бесценные годы, пролетевшие как один миг!

Уже много лет он выполнял заказы только самых богатых и самых знатных клиентов со всей Европы. Он заставлял этих напыщенных аристократов безропотно ждать свои заказы годами! «Жалкие глупцы! – улыбаясь, думал маэстро. – Но все же надо отдать им должное, глупцы со вкусом». Да, он был тщеславен! Но, в конце концов, лучших не судят. В основном он нес нелегкое бремя славы и чрезмерного почитания с чувством собственного достоинства, время от времени все же проявляя слабость в чванстве и тихой зависти. И если приступы высокомерия он старался в себе гасить, то зависть давно овладела им полностью. И зависть эта была особого, незлобивого свойства. Ибо чему может завидовать одинокий богатый старик на склоне своих лет? Конечно же, беззаботному порханию и залиvistому звонкому смеху молодости!

...По каналам Венеции медленно плыл 1534 год. Подобно морскому приливу, он захлестнул республику тихо и неизбежно. Но вскоре эту тишину взорвала череда карнавалов и бесконечных пышных празднеств. Это был расцвет Венеции! Вот уже 13 лет ею руководил великий человек – дож Андреа Гритти. Этот талантливый дипломат и военачальник упорно и неминуемо вел республику к величию и процветанию! Правда, поговаривали, что когда-то он был шпионом и даже сидел за это в тюрьме... но, как уже было сказано выше, лучших не судят...

В былые времена Фалди очень гордился, что родился в один год с этим достойнейшим гражданином, и при любом удобном случае упоминал об этом в разговорах с друзьями. Вот только друзей у него уже почти не осталось... Именитые стеклодувы его поколения, с которыми он когда-то азартно соревновался в мастерстве, уже покинули этот мир, а молодых выскочек он презирал и не подпускал к себе близко. К тому же слепое восхищение засидевшимся во власти правителем сменилось легким разочарованием с оттенком ожидания его ухода по естественной причине...

Всю жизнь пламя вдохновляло Фалди, а старинные византийские книги, за которыми он охотился, помогали в рождении непревзойденных шедевров. Да, да! Именно в рождении! Ведь по сути мастер своим дыханием из бесформенной стеклянной массы производил на свет творение искусства. И каждое из них было неповторимым, как дитя. Он создавал просто невероятные вещи! Чего только стоили «иллюзорные зеркала», на рождение которых однажды его вдохновили откровения очень влиятельного клиента – герцога Веньера. Рассчитываясь с маэстро за парадную люстру для своего дворца в Бергамо, он поделился с Фалди своей грустной историей, начав с приличествующих моменту знаков уважения:

– Маэстро, вы как всегда на высоте! Прекрасная работа!

– Спасибо, ваша светлость! Ваша оценка для меня дороже золота! – ответил старик и почтительно слегка склонил голову, на мгновение опустив глаза вниз.

– Жаль только, что моя несчастная дочь скорее всего не увидит этого воздушного чуда...

– Отчего же? Разве она не любит бывать в вашем великолепном поместье в Бергамо?

– К моему глубочайшему сожалению, она уже больше года ни на минуту не покидает наше палаццо в Венеции, – с горечью в голосе промолвил герцог. – Вы, наверное, слышали про несчастье, обрушившееся на нашу семью?

– Прошу прощения, но, откровенно говоря, у меня нет ни времени, ни желания собирать сплетни. Я считаю для себя куда более полезным занятием черпать мудрость и новые знания из старинных книг, чем забивать свою голову сомнительными слухами, – соврал Фалди, который был очень хорошо осведомлен обо всех скандалах и происшествиях, в изобилии наполнявших личную жизнь венецианской аристократии, и с огромным удовольствием жадно впитывал всю эту информацию.

– Несколько месяцев назад наша любимая Фелиция перенесла оспу. Мы с моей дражайшей супругой денно и нощно молили Бога о том, чтобы он не отнимал у нас единственное дитя. Наши молитвы были услышаны, и недуг отступил. Но он необратимо обезобразил лицо нашей малышки...

– Как я вам сочувствую, ваша светлость! Я знаю, что этот недуг сильно меняет внешний облик человека. Мне даже трудно представить, каково сейчас вашей дочери...

– Да, это приносит ей нестерпимые душевные муки. Наше дитя, это прелестное юное создание, не может теперь без слез смотреть на свое отражение...

– Мужайтесь! Вы молитвами вырвали своего ребенка из холодных объятий смерти! Господь милостив. Он направит и даст утешение. – произнес Фалди универсальную фразу, в которую сам не верил.

– Похоже, что вы человек не из болтливых. А мне так нужно с кем-то об этом поговорить! С моей супругой мы в последнее время почти не общаемся, а дочь меня сторонится. Вы представляете, ни один лекарь не взялся за ее лечение! Не зная, как еще ей помочь, я приказал по всему дому снять зеркала и строго-настрого запретил прислуге начищать до блеска домашнее серебро, дабы она не увидела в нем свое отражение...

Безутешный отец был в отчаянии и не знал, как облегчить страдания своему ребенку. Фалди слушал его с напряженным вниманием, отражая на своем лице, как в зеркале, отголоски тяжелых чувств, которыми был наполнен рассказ герцога. Маэстро сочувственно покачал головой и задумался...

В одном из старинных трактатов о стекле, который он выкупил за целое состояние у купца из Константинополя, упоминалось о необычных зеркалах, которые тайно заказал своим придворным мастерам византийский император Константин V. Эти зеркала имели свойство показывать искаженное изображение тех, кто в них смотрел. Император не доверял своему окружению и всю жизнь боялся заговоров. Он держал эти зеркала в темной потайной комнате и использовал их, когда хотел уличить кого-то во лжи. Подозреваемого заводили в помещение и по знаку императора открывали створки светильников, расставленных по периметру в определенном порядке. Увиденное в зеркалах повергало испытуемых в животный ужас! И все они, как на исповеди, предельно откровенно отвечали на вопросы правителя. Это была красивая легенда...

Но Фалди не коллекционировал сборники сказок! Все рукописи и трактаты, которые он скупал за сумасшедшие деньги, содержали в себе исключительно правдивые факты. Это означало, что история про зеркала императора Константина V была правдой. И если другой мастер до него смог воплотить в жизнь обезображивающее зеркало, то с таким же успехом он мог создать зеркало, которое показывало бы приукрашенное отражение...

Для мастерства и тщеславия Фалди это был вызов, который он обязан принять! И он предложил герцогу сделать зеркало, глядя в которое, его дочь забудет о своем несчастье. Тот

пришел в полнейший восторг от идеи и с ходу готов был расстаться за ее воплощение с половиной своего состояния.

Взяв с клиента немалый задаток, Фалди с головой ушел в работу и сутками не выходил из мастерской и библиотеки. Он распустил всех подмастерьев по домам, кроме одного. Никого из работников это сильно не удивило, так как подобное уже неоднократно случалось. Каждый раз, когда Фалди получал очень важный заказ, он предпочитал работать один. Несмотря на то что его мастерская представляла из себя целую мануфактуру, на которой четко и слаженно могли работать одновременно до двадцати человек, маэстро в особых случаях без труда обходился лишь одним помощником.

К большому неудовольствию клиентов, которые ожидали своей очереди, он отодвинул все остальные заказы на неопределенный срок. Уже через день после начала его творческой изоляции к его мастерской потянулась вереница торговцев щелочью, ртутью, минералами и другими веществами, названия которых большинство обывателей даже не слышали. С регулярной периодичностью из окон его цеха раздавались резкие звуки разбивающегося стекла вперемешку с громкими проклятиями. Одержимый идеей, маэстро часто доводил себя до физического и душевного истощения. Но результатами этих мучений всегда были неподражаемые шедевры! И спустя почти три месяца поисков и бесконечного числа неудачных попыток он наконец нашел именно то, что искал. Правда, в этот раз для достижения долгожданного результата маэстро оказалось мало исключительно его таланта и опыта. И если бы его величество случай не вмешался в этот круговорот, то лишь одному богу известно, сколько еще времени Фалди провел бы в мастерской без нужного результата.

...Случилось так, что однажды глубокой ночью в мастерскую маэстро проник незадачливый вор. Он будто специально пренебрегал осторожностью и буквально каждым своим шагом нарушал ночную тишину, чем прервал и без того плохой сон старого мастера. Сперва Фалди подумал, что это по мастерской шастает его помощник, поднявшийся среди ночи по нужде и, поленившись зажечь свечу, заплутавший в темноте. Приготовившись было громко отчитать нерадивого юнца, маэстро вдруг вспомнил, что с вечера отослал его с важным поручением в Венецию и посреди ночи тот никак не мог вернуться на Мурано. Это означало, что во владениях Фалди орудовал незванный гость...

Вооружившись короткоствольным аркебузом, маэстро осторожно приоткрыл дверь, разделяющую его кабинет с рабочим помещением, и затаился. Судя по дрожащему отблеску свечи, блуждающему по стенам, ночной гость либо не боялся встречи с разъяренными хозяевами, либо был уверен в том, что в доме никого нет. Незаметно выскользнув из кабинета, Фалди увидел в дальнем конце мастерской застывшую фигуру грабителя, разглядывающего что-то на стене. Будучи прекрасным стрелком, маэстро хотел было тут же положить конец этому беззаконию и взял нагльца на прицел, но в последний момент любопытство взяло верх над его инстинктом самосохранения и он решил прежде узнать, что именно так заинтересовало грабителя в его мастерской. Он бесшумно подкрался к злоумышленнику и с удивлением обнаружил, что тот, одновременно смеясь и плача, любит себя в отбракованном маэстро зеркале, которое он давеча пожалел и не разбил. Все дело в том, что оно идеально справлялось с деформацией отражения внешности человека от нормы к безобразию. Но проблема заключалась в том, что маэстро до этого момента не имел возможности проверить обратный эффект этого зеркала!

Внешность незваного гостя шокировала не менее, чем то занятие, за которым его застал Фалди. Это был горбун, одна рука его была заметно короче другой. Видимо, несчастный очень сильно нагрешил в прошлой жизни, так как помимо его физической неполноценности, обретенной им судя по всему при рождении, его лицо было обезображено страшным ожогом. Сперва Фалди решил, что к нему забрел сумасшедший. Но, осторожно обойдя его сзади и бросив из-за его спины взгляд в зеркало, маэстро остолбенел, чуть не выронив из рук оружие.

Отталкивающий облик горбуна отражался в зеркале привлекательным худошавым юношей! Неожиданно увидев в зеркале незнакомца, выглядывающего из-за его спины, вор задул свечу и принялся лихорадочно метаться по темному помещению в поисках выхода. Фалди, даже с закрытыми глазами прекрасно ориентировавшийся в своей мастерской, что было его большим преимуществом, без лишней суеты подошел к двери и, прислонившись к ней спиной, выкрикнул:

– Послушай меня! Несмотря на то что ты вероломно проник в мой дом, я не хочу причинять тебе вреда! Мне даже не важно, по какой причине ты здесь оказался! И вместо справедливого жестокого правосудия я готов тебе заплатить!

Услышав эти слова, горбун прекратил хаотично тыкаться в стены мастерской и замер на месте. Несколько минут он не двигался и не издавал ни звука. И только после того как Фалди подошел к стекольной печи и, откинув защитную створку топки, немного развеял в помещении тьму, незванный гость наконец испуганно ответил:

– Меня зовут Тессоро. Я сожалею, что без приглашения проник в ваше жилище. Нужда заставила меня пойти на это. Я не ослышался? Вы готовы мне заплатить? И что я должен сделать?

– А ты уже выполнил свою работу, – ответил маэстро, выкладывая на стол несколько монет.

– Я совершил преступление. А вы, вместо того чтобы посадить меня в тюрьму, предлагаете мне деньги. Не понимаю!

– А тебе и не нужно ничего понимать. Можешь переночевать здесь. Завтра решим, чем еще ты можешь быть мне полезен.

Поутру, накормив горе-грабителя, Фалди еще несколько раз опробовал на нем зеркало. Убедившись, что оно идеально выполняет свою оборотную функцию, маэстро приступил к его художественному оформлению. Он решил, что зеркальная рама непременно должна быть выполнена из стекла в виде огненного цветка, лепестки которого походили бы на языки бушующего пламени. Целая неделя ушла у Фалди на изготовление столь экстравагантного обрамления для зеркала. И лишь спустя еще несколько дней, которые потребовались маэстро на тщательную экспертизу качества своего детища, он наконец отправил герцогу Веньеру записку о том, что его необычный заказ готов.

Получив долгожданное приглашение, тот незамедлительно прибыл в мастерскую Фалди!

– Есть одно очень важное условие, – промолвил старик, пересчитывая полученные от герцога золотые цехины. – В это зеркало может смотреться только ваша дочь – никто более не должен видеть свое отражение в нем. У этого предмета должен быть только один хозяин. Только один!

После того как герцог пообещал соблюдать это условие и проследить, чтобы оно соблюдалось всеми остальными домочадцами, маэстро передал ему зеркало. Оно было тщательно завернуто в черный бархат и по очертаниям походило на солнце. Из-под плотной богатой драпировки выглядывал лишь край массивной подставки из кроваво-красного стекла. Через неделю после этой встречи Фалди получил от герцога письмо, полное восхищения и благодарности... и еще один мешок золотых монет.

3. Завещание

– Около трех лет назад мы получили запрос от адвокатской конторы Studio Legale Scanferla, расположенной в Венеции, – продолжил итальянец. – Следуя распоряжению их клиента, оставленному ровно шестьдесят лет назад, они вскрыли в указанную дату его завещание. Последней волей этого человека был розыск его живых наследников и юридическое сопровождение их вступления в права наследования домом в Венеции и банковским счетом в Banco San Marco на сумму в девятьсот миллиардов лир. Розыски наследников в Европе не увенчались успехом. Но итальянские адвокаты нащупали ниточку, ведущую в Россию, и попросили нас посодействовать им в поисках.

– Но я до сих пор не понимаю, при чем здесь я? – с дрожью в голосе повторил Андрей.

– На фотографии, которую вы держите в руке, – ваш дед Энрике Фалди. А вы – единственный оставшийся в живых потомок рода Фалди и наследник его состояния. Я сожалею, что вы остались один на всем белом свете. Но в то же время я вас искренне поздравляю с этим фактом! Вам не нужно ни с кем делиться наследством!! – выпалил Тоцци и громко рассмеялся, довольный своей шуткой.

В глазах у Андрея потемнело. Остатки сомнения все еще скреблись у него в голове, но логика и факты неумолимо кричали, что это не ошибка!

Неожиданно он вспомнил свою одинокую, несчастную мать. Словно кадры старого диафильма, в его памяти стали всплывать отрывки прошлого. Его отец пропал без вести, когда Андрею еще не исполнилось и двух лет. С тех пор они жили вдвоем в маленькой двухкомнатной квартирке недалеко от Чистых прудов. Первые годы его жизни были светлыми и беззаботными. Но только повзрослев, он стал понимать, каких усилий и жертв стоило его матери в одиночку обеспечить своему сыну такое безоблачное детство. С пяти лет она нанимала ему репетиторов итальянского языка и впоследствии настояла на том, чтобы он поступил в Московский лингвистический университет. Помимо этого он усиленно занимался вокалом и даже несколько лет пел в Большом детском хоре.

Абсолютно все свое свободное время мать посвящала ему. После исчезновения отца она больше не вышла замуж и недостаток своей личной жизни компенсировала тем, что читала детективы и по вечерам перебирала старинные семейные фотографии, которые в изобилии хранились у них дома. Она раскладывала их на огромном обеденном столе как пасьянс и рассказывала своему сыну разные увлекательные истории о людях, которых давно уже не было на этом свете и от которых остались всего лишь эти потускневшие изображения и разрозненные обрывки в ее памяти...

Среди этих многочисленных рассказов была одна легенда, которая гласила об итальянском происхождении их семьи. И довольно сомнительным доказательством этому факту служила одна-единственная потрепанная фотокарточка начала XX века: два молодых щеголя позируют на фоне каких-то античных руин. Кто это был и откуда появилась фотография у них дома, мать не знала. Но по ее словам, это были их дальние родственники, которые проживали когда-то в Италии. Чем взрослее Андрей становился, тем отчетливее понимал абсурдность этой легенды, списывая ее на богатую фантазию одинокого человека.

Но неужели все это было правдой? Его мать не дожила до момента истины всего лишь несколько месяцев. Андрей почувствовал, как слезы потекли по его лицу...

– Молодой человек! Ну не стоит так бурно реагировать! – воскликнул итальянец. – Впрочем, после того как я осмотрелся в ваших скромных апартаментах, я прекрасно понимаю эти слезы! Любой на вашем месте пожелал бы вырваться из этой дыры.

– Неужели это правда? – уже вслух произнес Андрей, пропуская мимо ушей очередную обидную реплику гостя.

– Можете не сомневаться! Мы ошибок не допускаем! – в голосе итальянца проскользнули сухие официальные нотки. – Надеюсь, вы понимаете, как вам повезло, что вы не уехали в отпуск, а остались в Москве этим летом? Иначе кто знает, когда бы вы получили это счастливое известие!

– Какой отпуск? Я и на работу-то еще даже не успел устроиться, – растерянно пробормотал молодой человек.

– Да, вот еще что... В завещании вашего предка было письмо. И мне также поручено вручить его наследнику. Собла... Соблаго... Собогаволите расписаться в получении. – с третьей попытки выговорил трудное слово итальянец. – Люблю, знаете ли, редкие русские словечки!..

Тоцци достал из портфеля расписку и ручку. И только после того как Андрей поставил на документе свою подпись, итальянец извлек из внутреннего кармана пиджака и положил на стол пожелтевший от времени конверт и встал. С минуту он стоял молча, задумчиво глядя на письмо и не убирая с него своей руки. Затем, чуть вздрогнув, итальянец медленно поднял руку со стола и, нервно поправляя свой галстук, продолжил:

– На этом разрешите считать мою миссию выполненной. Вам нужно будет еще подъехать в наше посольство для соблюдения некоторых юридических формальностей. Если вы не возражаете, то я буду вас ждать в следующую среду в полдень по адресу: Денежный переулок, дом 5.

Не дожидаясь ответа и даже не попрощавшись, внезапный гость быстро проследовал в прихожую и захлопнул за собой дверь, оставив Андрея один на один со своими мыслями в опустевшей квартире.

Молодой человек на несколько минут остолбенел посреди комнаты с фотографией в руке и нелепым выражением на лице. Затем, округлив глаза, будто поймав какую-то важную мысль, он быстро подошел к трюмо и вынул из него самый нижний ящик, который доверху был наполнен фотографиями. Через мгновение вся эта куча застывших лиц была уже на столе и Андрей лихорадочно в ней копался, безжалостно раскидывая по комнате изображения своих родственников, друзей, знакомых и незнакомых... Это продолжалось до тех пор, пока он не нашел то самое «итальянское» фото, на котором были изображены два молодых человека. Если быть точным, то это была не привычная бумажная фотография, а дагерротип – тонкая медная пластина с вытравленным на ней парами ртути изображением. Андрей взял обе фотокарточки и подошел с ними к окну. Он долго и внимательно их рассматривал, медленно переводя взгляд с одного изображения на другое. Да, ошибки быть не могло! Один из двух незнакомцев, взвешивающих на Андрея со старинной медной пластины, был точной копией его вновь обретенного предка с фотографии, которую ему только что вручил итальянец, а стало быть – это был один и тот же человек!

– Как странно, – прошептал Андрей, – почему же я раньше не замечал своего внешнего сходства с ним?

Постепенно сомнения и неразбериха в голове Андрея сменились осознанным примирением с фактом его причастности к таинственному итальянскому наследству, так внезапно на него свалившемуся. За изучением и анализом фамильных фотопортретов он совсем позабыл о письме, которое оставил дипломат. Оно продолжало лежать на краю стола, даря Андрею робкую надежду на то, что содержит в себе хоть малую часть ответов на те вопросы, которые его сейчас мучили.

На конверте по-итальянски было выведено от руки только одно слово: ВАЖНО! Андрей перевернул его и на обратной стороне обнаружил большую сургучную печать с оттиском того же герба, который виднелся на фотографии за спиной его деда. С легким сожалением он сломал красивую печать и внутри обнаружил письмо следующего содержания:

«Приветствую тебя! Если ты читаешь эти строки, то меня давно уже нет в живых. Сейчас я точно уверен, что на свете есть вещи, которые не имеют права на существование!»

В особенности если эти вещи рукотворные. Ибо, вопреки воле Господа, поднимая из могилы мертвых и умерщвляя живых, человек обрекает себя и своих потомков на вечное проклятие! К сожалению, мне не хватило ума и терпения, чтобы раскрыть великую тайну рода Фалди. Несмотря на все мои усилия я не смог найти и уничтожить «Дыхание Ангела». Теперь ты должен занять мое место и отыскать источник бедствий нашего рода. Прости меня, за то что я взваливаю на твои плечи этот тяжкий груз! Я питаю надежду на то, что ты избавишь души всех наших предков и потомков от мук преисподней. Об одном хочу тебя предостеречь: чтобы ни случилось, ЭТО не должно коснуться твоих уст!

Да поможет тебе Господь!

P.S. Найди в нашем фамильном палаццо лунные часы. В полнолуние между первым и третьим часами ночи они укажут тебе путь!

Винсенте Фалди, 10 апреля 1920 г.»

К огромному сожалению Андрея, это послание не несло в себе ответов. Отнюдь! Оно озадачило молодого человека еще больше. Он, конечно, подозревал, что в жизни просто так ничего не дается и за все щедрые подарки судьбы рано или поздно приходится расплачиваться... Но, чтобы такой ценой и в такой короткий срок! Он ведь даже не успел вступить в права наследования – и на тебе! Тяжкий груз какого-то проклятия!

4. Иллюзорные зеркала

Несмотря на изрядное презрение Фалди к бюрократии, численность которой в Венеции в первой половине XVI века достигала невообразимых размеров, он был вынужден несколько раз в год самолично посещать различные государственные учреждения. И чаще всего он навещался во Дворец Камерленгов, который был одним из ключевых центров, осуществляющих финансовый контроль за всем производством и торговлей республики. И несмотря на свое негативное отношение к чиновникам, которых маэстро считал дармоедами, он посещал это ведомство с охотой. Причиной такой странной снисходительности с его стороны была вовсе не паталогическая любовь к уплате налогов, а, как бы странно это ни звучало, великолепный палаццо, в котором располагалось казначейство. Это необыкновенное здание, пятиугольной формы, было облицовано мраморными и порфиристыми плитами с декоративными медальонами из чистого золота, призванными подчеркивать величие и богатство Венецианской республики. Внутреннее убранство этого дворца было не менее изысканным и богатым, чем его фасад. Все стены его лестничных маршей, коридоров и приемных были увешаны картинами самых известных художников Венеции.

Эти полотна появились здесь благодаря интересной традиции, согласно которой каждый судья или высший камерленго, покидающие свой пост, должен был преподнести в дар палаццо картину. Сперва это были небольшие скромные портреты великих современников, уходящих в отставку высших чиновников казначейства. Но со временем каждый из покидающих свой высокий пост старался переплести предшественника размером полотна и именитостью его автора. Так во Дворце Камерленгов со временем была собрана целая коллекция истинных шедевров средневековой живописи невероятных масштабов, превратив это финансовое ведомство в настоящую картинную галерею!

В очередной раз, подтвердив свой доход и, с грустью, сполна уплатив республике «гражданский долг», исчисляемый сотнями золотых дукатов, маэстро не спеша прошелся по коридорам дворца и остановился у огромного полотна, на котором была запечатлена батальная сцена взятия Падуи. Фалди задерживался возле этой картины каждый раз, когда бывал в казначействе. И каждый раз, задумчиво разглядывая героическое полотно, он инстинктивно потирал своей правой рукой старую рану на левом плече, полученную им в этом сражении...

На переднем плане картины был изображен отряд аркебузирова, дающий залп по атакующей его французской коннице. Драматизм момента, застывшего по воле живописца на этом внушительном холсте, заключался в том, что дистанция между участниками противостояния была уже настолько мала, что еще одно мгновение – и пехотинцы были бы сметены лавиной вражеских всадников...

– Доминик?.. – раздался женский голос за спиной Фалди, возвращая его из тяжелых воспоминаний к реальности.

Обернувшись, он увидел в нескольких шагах от себя сгорбленную старушку в сопровождении двух вышколенных слуг. Почетный эскорт, вкупе с ее изысканным черным облачением и обилием драгоценностей, которыми она была увешана, с первого взгляда выдавали в ней благородную аристократку. Фалди сперва не узнал обратившуюся к нему женщину и, слегка кивнув головой в знак уважения, спросил:

– Простите, мы знакомы?

– Видимо, годы совсем меня не пощадили, если ты не узнал свою Магнолию!.. – печально промолвила незнакомка, приподнимая с лица кружевную вуаль.

Маэстро было достаточно всего лишь взглянуть в оливковые глаза дамы, чтобы сразу узнать в ней графиню Морозини, с которой у него много-много лет назад была романтическая связь. Любовный водоворот, который тогда затянул Фалди, был настолько сильным, что чуть

не привел его напрямик в тюрьму. Дело в том, что графиня в период их бурного романа была законной женой могущественного патриция, который служил послом Венецианской республики в Антверпене. И несмотря на свободные нравы, царившие в то время в высшем обществе, графу по возвращении на родину, после его длительной непрерывной дипломатической миссии, совсем не понравилось, что его дражайшая супруга предстала перед ним с заметно округлившимся животом. За живым или, неважно, мертвым любвеобильным стеклодувом тут же была объявлена настоящая охота, от которой ему чудом удалось спастись на одном из торговых кораблей, отчаливающих в Константинополь. Графиню же спешно отправили на материк, где в одном из своих отдаленных поместий она тайно разрешилась от бремени. По слухам, по приказу графа новорожденный бастард был тут же утоплен в реке. Спустя несколько месяцев после этой драматической развязки Фалди крадучись вернулся в Венецию. А его возлюбленная на долгие годы уехала с мужем за границу. С тех самых пор и до момента этой встречи во Дворце Камерленгов они ни разу не виделись.

Сейчас от былой ослепительной красоты этой женщины остались только глаза, сохранившие свой неповторимый цвет и блеск...

Маэстро сперва растерялся и не знал, что ответить. Ему было одновременно неловко и досадно. Чувство неловкости вызывала у него эта неожиданная встреча, к которой он был абсолютно не готов морально. А перемены во внешнем облике этой некогда страстно любимой им женщины заставили его сердце наполниться горькой обидой. Наконец он заставил себя улыбнуться и воскликнул:

– Белла! Вот это встреча!

– А ты почти не изменился, – тихо промолвила женщина, протягивая Фалди руку для поцелуя.

– Спасибо за комплимент! Но зеркала показывают мне обратное! Да и упрямое тело по утрам слушается все хуже и хуже...

– Про зеркала ты мне даже не напоминай! От них одно только зло! Ну да бог с ними! Ты лучше расскажи, как живешь. Я вот в прошлом году овдовела. Вернулась наконец в Венецию, а с меня тут же потребовали уплатить налоги! Мой покойный муж всю жизнь отличался бездарным управлением своим состоянием...

– Я похоронил жену много лет назад. Занимаюсь, как и прежде, стекольным ремеслом. У меня два сына. К сожалению, ни один из них не пожелал продолжить мое дело. Они оба давно выросли и разъехались по разным концам Европы.

– Живешь на Мурано? – сочувственно спросила герцогиня.

– У меня свой палаццо, – с нескрываемой гордостью ответил Фалди. – Не на Гранд-канале, конечно, но поблизости. До Малого Совета я пока не дотянул, но в Большом заседал несколько лет подряд.

– Успех всегда тебе сопутствовал. Значит, ты одинок, как и я?

– Да, больше я так ни с кем и не связал свою судьбу. Сначала было не до этого. А потом не заметил, как и жизнь прошла...

– Так может, это судьба? Я уверена, что мы встретились не случайно... Нам нужно попробовать начать все с начала! – внезапно зашептала женщина, страстно прижавшись к Фалди, и крепко вцепилась в его руку.

Маэстро почувствовал сквозь кафтан костлявые дрожащие пальцы графини и ощутил исходящий от нее сильный запах старости, предательски пробивающийся даже сквозь резкий аромат духов. Ее беззубая, искаженная безумием улыбка оказалась всего в нескольких сантиметрах от его лица. От такого неожиданного поворота Фалди буквально остолбенел, ощутив подступившую к горлу тошноту. И если бы слуги, сопровождавшие герцогиню, как по команде не подхватили ее под руки и быстро не повели ее к выходу из дворца, то маэстро пришлось бы не сладко.

– Наша дочь жива! Я спасла ее! – вдруг закричала графиня. И пока ее волокли по коридорам казначейства, она продолжала кричать: – Наша дочь жива! Наша дочь жива!

Фалди был настолько потрясен случившимся, что, выйдя, пошатываясь, на улицу, присел на парапет набережной и долго смотрел на воду. Несмотря на отвращение, которое он испытал к графине, ему было ее безмерно жаль. Конечно же, перспектива совместной жизни с сумасшедшей старухой его совсем не прельщала. К тому же она была на несколько лет старше его. Во времена его молодости ему даже льстило, что он крутил роман с более опытной любовницей из высшего общества. Но годы спустя, уже будучи вдовцом, он не желал вести под венец даже юных претенденток на вакантное место своей жены, не говоря уже о престарелых богачках, коих терпеть не мог.

Судя по всему, жить графине оставалось недолго. Даже если ее организм имел еще большой запас прочности, как это часто бывает у потерявших рассудок, но ее слуги рано или поздно устанут возиться со своей сумасшедшей хозяйкой и отравят ее... Маэстро понимал, что это была его последняя встреча с Беллой, и ему вдруг захотелось сделать своей бывшей возлюбленной какой-нибудь прощальный подарок. Денег и драгоценных безделушек у графини судя по всему хватало. А авторской вазой или люстрой из муранского стекла ее тоже трудно было удивить. Да и незачем ей уже все это было...

Внезапно Фалди осенила блестящая идея: сделать для Беллы «иллюзорное зеркало», подобное тому, которое он недавно создал для дочери герцога Веньера. Этот подарок должен был уменьшить ее душевные муки и, возможно, даже продлить жизнь. Удивившись превратностям судьбы, порой подбрасывающей ему столь неожиданные сюрпризы, он поспешил напрямиком в свою мастерскую.

...Ему давно не работалось так легко. Тайный рецепт изготовления этого зеркала он хранил в голове, и на его рождение на этот раз ушло всего несколько дней. Маэстро сделал его круглой формы и в стеклянной раме, искусно имитирующей венки из белоснежных магнолий. Эти нежные цветы были выбраны Фалди не случайно. Они должны были напоминать Белле то ласковое прозвище, которым он ее когда-то называл. Красиво упаковав подарок, маэстро решил самолично вручить его своей некогда обожаемой даме сердца и, облачившись в парадный камзол, отправился на гондоле к ее палаццо. Уже подплывая к дворцу, с которым у него были связаны очень личные воспоминания, Фалди сокрушенно увидел, что опоздал: от причала палаццо Морозини отчаливала похоронная процессия, навсегда уносившая частицу его души...

С того самого дня минорное настроение надолго овладело старым маэстро. Вдохновение и творческая интуиция, которые, подобно путеводной звезде, освещали ему жизненный путь, уступили место бестолковому серому унынию. И как бы это ни было странно, но из глубокой депрессии Фалди вытащила рутина. Спустя пару месяцев с тех пор, как он сделал для герцога Веньера спасительное зеркало, к нему стали настойчиво обращаться с просьбой повторить это «чудо» венецианские престарелые аристократки. Учитывая, что второе «иллюзорное зеркало», которое он не успел подарить Белле Морозини и в результате оставил себе, было изготовлено также в условиях строжайшей секретности, маэстро никак не мог взять в толк, каким образом произошла утечка информации.

Как же он не любил всех этих высохших и выживших из ума старых кривляк... Все они страстно желали видеть себя в отражении молодыми и красивыми! За иллюзию юной свежести и наивного блеска глаз они были готовы платить баснословные деньги. Маэстро с отвращением кривился от этих благородных старух, но заказы от них принимал. Два первых зеркала были настоящими шедеврами, на грани алхимии и мистики. А то, что он делал на потребу старой знати, – всего лишь дорогие игрушки. И все же это было поистине гениально! До него ни один человек на свете не продавал отражение в зеркале! При этом Фалди сам назначал цену, и цена эта была огромной! Очередь за его зеркалами росла прямо пропорционально его состоянию.

Но в один момент вся эта история со спекуляцией визуальным омоложением прекратилась. И точку в ней поставил сам Фалди.

Однажды за своими заказами в мастерскую маэстро на остров Мурано приплыли две уважаемые дамы. В ожидании своих долгожданных зеркал они чинно расположились в гостевой комнате и беззаботно обсуждали последние сплетни Венеции за бутылочкой сиракузского вина. Их фривольные наряды очень контрастировали с возрастом. Но такова была мода того времени! Туалеты благородных дам по открытости и роскоши не уступали туалетам куртизанок, а те, в свою очередь, ни в чем не уступали благородным дамам. Знатные донны носили тогда чересчур открытое декольте и даже в храм являлись с практически обнаженной грудью, прикрыв соски прозрачной тканью или сеткой...

Голоса посетительниц то восторженно звенели, перебивая друг друга, то таинственно шипели, выдерживая театральные паузы. В это время Фалди со своим подмастерьем неторопливо и основательно упаковывал заказы почтенных дам в пурпурный бархат, опоясывая их богатыми золотыми лентами. Гостевую комнату со старыми сплетницами и подсобное помещение, где в этот момент находился маэстро, отделяли только тяжелые портьеры. Фалди не прислушивался к пустой болтовне двух беззаботных сплетниц, но в какой-то момент отчетливо услышал следующее:

– Дорогая, а вы слышали ужасную историю про герцога Веньера?

– Да, конечно! Бедная девочка! Теперь ей будет трудно найти себе достойную партию...

– Так нет же, дорогая! Я не про уродство малышки Фелиции! Разве вы не знаете, что произошло в их палаццо на днях?

– Вот видите! Я же говорила, что совсем редко стала выходить в свет... И что же у них случилось?

– Ну... подробностей никто не знает, но точно известно, что герцог зарезал свою несчастную дочь и после этого повесился в ее спальне!

Услышав это, Фалди остолбенел. Его лицо, ставшее бледнее извести, исказила гримаса ужаса. Он сразу понял, что именно послужило причиной этой трагедии. А ведь он предупреждал герцога об опасности этого зеркала! Но любопытство и безответственность людей очень часто приносят им гибель...

– Довольно! – завопил маэстро, выскочив из-за портьеры к дамам, и выбежал на улицу, оставив их обеих в полубморочном состоянии. Неожиданная выходка Фалди настолько их напугала, что они почувствовали холодное дыхание смерти и поняли, что она не так уж далека, как им казалось...

Это были два последних «иллюзорных зеркал», которые продал маэстро. С тех пор он больше не принимал на них заказы.

5. Москва – Венеция

В течение нескольких последующих дней Андрей перечитывал послание предка и ломал голову над его содержанием. Чем больше он вдумывался в текст письма, тем больше вопросов у него возникало. О какой рукотворной вещи идет речь? Что такое «дыхание ангела»? Что именно не должно коснуться губ Андрея? Что такое «лунные часы»? Он имел некоторое представление о солнечных часах, но никогда не слышал о лунных.

Обуреваемый всеми этими мыслями, Андрей с нетерпением дождался назначенного Тоцци дня и приехал к итальянскому посольству. Он набрал в таксофоне номер, указанный на визитке итальянца, и предупредил его о своем прибытии. Через десять минут к нему вышел Тоцци и проводил к нужному кабинету для оформления необходимых документов.

Итальянский нотариус, перед которым предстал молодой человек, сперва смерил его с ног до головы долгим оценивающим взглядом и только после принялся за свою работу. Он был одет в строгий черный костюм с бабочкой. А на его переносице красовалось пенсне в золотой оправе. Андрею вдруг показалось, что этому человеку больше подошла бы роль американского мафиозного бухгалтера времен сухого закона, чем юриста конца XX века. Уж больно он был похож на персонажа гангстерского фильма! Позабавившись этим неожиданным сравнением, внезапно пришедшим в его голову, Андрей радостно улыбнулся. И это не осталось незамеченным колоритным итальянцем. Не поднимая головы от бумаг, на ломаном русском он сухо бросил:

– Вы мне мешаете!

И это была единственная фраза, которую он произнес за все время встречи.

Когда все юридические формальности были соблюдены и бумаги оформлены надлежащим образом, Тоцци пригласил Андрея в свой кабинет выпить по чашечке кофе.

– Лучший в мире кофе варят в Италии, – с гордостью произнес итальянец, наливая Андрею ароматный черный напиток. – Скоро вы и сами в этом убедитесь! Ваша виза будет готова уже через три дня. Смело покупайте билеты и собирайте чемодан. Вы не будете возражать, если я включу музыку?

– Конечно, конечно! – воскликнул Андрей и уже задумчиво тихо продолжил: – Все это так неожиданно. Мне и жить-то там негде...

Не расслышав последних слов гостя, Тоцци проследовал в дальний угол своего кабинета, где на небольшом деревянном столике в стиле барокко красовался раритетный граммофон. Повернувшись к Андрею спиной, он молча склонился над внушительной стопкой виниловых пластинок и принялся перебирать пальцами свою музыкальную коллекцию. Этот процесс длился довольно длительное время. Наконец поиски итальянца увенчались успехом. Он вдруг что-то радостно замурлыкал себе под нос и с видом победителя водрузил на проигрыватель пластинку.

– Опера «Норма» великого Винченцо Беллини – это тоже Италия! – торжественно произнес Тоцци и, откинувшись в кресле, закрыл глаза, погружившись в чарующие звуки голоса Марии Каллас.

В какой-то момент Андрею показалось, что итальянец позабыл о его существовании и провалился в сон. Как вдруг тот улыбнулся и, свойски похлопав молодого человека по плечу, спросил:

– Так о чем это мы?..

– Я вдруг подумал, что мне даже негде остановиться в Венеции.

– Как это негде?! – воскликнул Тоцци. – Да у вас там теперь есть свой собственный дворец! Впрочем, поселиться в нем сразу было бы не самой удачной идеей. Дом простоял без призора около ста лет. Даже если его фасад выглядит вполне прилично, это вовсе не означает,

что внутри он в целостности и сохранности. Венецианская сырость и плесень делают свое черное дело...

– Значит, может оказаться, что я унаследовал руины?..

– Да вы, молодой человек, паникер! Давайте не будем расстраиваться раньше времени. Я только имел в виду, что в вековой пыли не очень комфортно жить, особенно без канализации и водопровода. Этому дому около пятисот лет. И понятие удобства и комфорта проживания раньше были иными... Сперва его нужно осмотреть. А пожить вы можете у моего хорошего приятеля. Кстати, я только сегодня узнал, что мне по служебным делам необходимо лететь в Италию. Так что я мог бы на первое время составить вам компанию.

– Это было бы так кстати! – обрадовался Андрей.

– Ну, вот и договорились! Тогда ваш перелет и проживание я беру на себя. Рассчитаетесь, когда получите доступ к счету. В конце концов, помогать соотечественникам – это наша святая обязанность! – лукаво улыбнувшись и подмигнув Андрею, пошутил Тоцци.

– Спасибо вам огромное! Откровенно говоря, у меня до сих пор путаются мысли в голове.

– Не стоит благодарности! Если вам еще нужна от меня какая-нибудь помощь, то смело обращайтесь! Смею предположить, что у вас возникли сложности с прочтением письма. Я готов его вам перевести.

– Нет! Как раз с этим у меня не было никаких проблем. Я свободно владею итальянским!

– Вот как?.. – в голосе дипломата почему-то промелькнуло разочарование. – Не думал, что язык Данте так популярен в России.

– Скорее нет, чем да. Но мне повезло: я долго изучал итальянский и даже осилил «Божественную комедию» в оригинале.

– Приятно иметь дело с образованным человеком! Как я вам завидую! Вы сейчас стоите на пороге новой жизни. Отныне вы являетесь неотъемлемым членом прайда крылатых львов, – ответил Тоцци и продолжил уже на итальянском: – *Meglio vivere un giorno da leone, che cento anni da pescog.*

– «Лучше прожить один день львом, чем сто лет овцой», – перевел Андрей. – Да, итальянский язык с древних времен является настоящим кладом мудрости.

– Эту поговорку очень любил повторять один великий итальянский правитель, который когда-то был кумиром миллионов, а ныне незаслуженно забыт. Впрочем, это тема для отдельного разговора. Кстати, как вам кофе?

– Признаться, я не сильно искушенный ценитель этого напитка. Но его запах просто изумителен!

– Помяните мои слова: поживете некоторое время в Италии и не сможете пить ничего, кроме кофе и вина! – безапелляционно заявил итальянец и, взглянув на часы, встал с кресла, давая понять, что встреча окончена.

– Я с нетерпением жду этой поездки! Еще раз спасибо за поддержку!

– Не стоит благодарности! Спокойно собирайте свои вещи и ждите моего звонка.

Андрей словно выпорхнул на улицу и беззаботной походкой зашагал по переулку. У него было ощущение, что он действительно стоит на пороге новой жизни! И в этой эйфории он даже не почувствовал взгляда двух прищуренных острых глаз нотариуса, направленных в его спину из окна посольства. Итальянец внимательно смотрел на удаляющуюся фигуру молодого человека. Его губы были плотно сжаты, а во взгляде сквозила злоба... Впрочем, эта тихая необъяснимая неприязнь имела мимолетный характер. Через мгновение лицо нотариуса приобрело привычное вальяжное выражение, свойственное аристократу, с оттенком полнейшего безразличия в глазах.

Тем временем Андрей торопился домой, мысленно составляя список неотложных дел, которые он должен был успеть завершить до отъезда в Италию. И как бы смешно это ни прозвучало, но в первую очередь он озаботился судьбой комнатных цветов, которые остались ему

в наследство от покойной матери. Он решил оставить их на попечение своей соседке Марте Рудольфовне. Эта одинокая пожилая женщина долгие годы была очень дружна с его матерью и принимала большое участие в жизни Андрея уже после ее смерти. И если бы не эта заботливая интеллигентная старушка, наш герой, будучи абсолютно не приспособленным к самостоятельной взрослой жизни, не протянул бы один и месяца.

Вернувшись домой, Андрея поставил все горшки с цветами на большой обеденный стол в гостиной и только было собрался к соседке, как в дверь неожиданно позвонили.

– Андрюша, это я! – послышался за дверью тихий женский голос. – Ты дома?

– Здравствуйте, тетя Марта! Да, я только недавно вернулся, – отозвался Андрей и открыл дверь. – Проходите! А я как раз собирался к вам. Хотел попросить вас об одном одолжении.

– Ах, а я утром пироги пекла, по рецепту твоей мамы. Вот, принесла тебя угостить. Ты же любишь с грибами?

– Да, очень! Спасибо, что не забываете про меня!

– Чего это ты удумал? – спросила старушка, увидев посреди гостиной зеленый круглый остров из фиалок и бегоний. – Окна решил помыть?

– Тетя Марта, мне нужно на некоторое время уехать. Не могли бы вы последить за цветами?

– Конечно, могу! Далеко собираешься?

– Не близко... в Италию.

– Ну надо же! Неужели сейчас выпускников институтов распределяют на работу по всему миру? Во времена моей юности молодых специалистов принудительно отправляли на несколько лет только туда, куда добровольно и в здравом уме никто бы не поехал.

– Нет. Я туда еду по личному делу.

– Значит, это все-таки была правда... – задумчиво произнесла соседка после минутной паузы.

– Что именно, тетя Марта?

– Твоя мама как-то поведала мне историю об итальянском происхождении вашей семьи. Честно говоря, мне тот рассказ сначала показался выдумкой. А упрямую настойчивость, с которой она заставляла тебя учить итальянский, я всегда воспринимала как ее стремление воплотить в тебе свои несбывшиеся мечты. Я уже начала забывать эту историю, как вдруг на днях на пороге моей квартиры появился высокий незнакомец. Он говорил с акцентом. Не застав тебя дома, он позвонил ко мне и стал наводить о тебе справки. Я прожила долгую нелегкую жизнь и с незнакомыми людьми привыкла держать язык за зубами. Так что, не выведая у меня ничего, он вежливо попрощался и ушел. Видимо, ты с ним все же встретился...

– Да, встретился! От наших дальних итальянских родственников осталось наследство. Похоже, я единственный, кто на него претендует. Мне нужно слетать в Венецию, чтобы вступить в права наследования.

– Бедная Ирочка! Она так верила, что ваши корни находятся в Италии! Совсем немного не дожила, самую малость...

Старушка всхлипнула, и ее глаза наполнились слезами. Но в следующее мгновение какая-то мысль вдруг озарила ее лицо. Перестав плакать, со словами «подожди минуточку» она быстро вышла из квартиры и вскоре вернулась, держа в руке что-то блестящее.

– Это была любимая брошь твоей покойной матушки. Она подарила мне ее незадолго перед своей кончиной. Вряд ли эта вещица имеет большую материальную ценность, но для нее она значила очень многое. Я не привыкла получать такие подарки, но Ирочка настояла на том, чтобы я приняла от нее эту брошь. Передавая ее мне, она сказала, что тебе оставляет что-то куда более ценное, чем это украшение. А теперь я настаиваю на том, чтобы ты взял эту вещь с собой в Италию...

Андрей прекрасно помнил это украшение. Брошь представляла собой выполненную из серебра бабочку, крылья которой были инкрустированы бирюзовыми кабошонами. На внутренней стороне украшения была надпись на итальянском языке: «Лети к мечте».

Он возразил:

– Боюсь, что это будет неправильно. Это же память о моей маме. И она должна остаться у вас.

– Ты меня не дослушал. В этой броши осталась частичка души Ирочки. И будет правильно, если ты отвезешь эту вещь в тот мир, о котором она так мечтала.

Вложив в руку онемевшего Андрея брошь, Марта Рудольфовна нежно погладила его по щеке и продолжила:

– Я не хожу в церковь, но верю в существование души. И верю в то, что предметы хранят память о своих хозяевах. Будь осторожен на чужбине! А за цветы ты можешь быть спокоен. Я их сейчас перенесу к себе.

... Уже через несколько дней после этого разговора, будто повинуюсь призыву, начертанному на броши, Андрей в сопровождении Тоцци летел на самолете в Венецию. В дороге итальянец рассказывал ему тезисную историю венецианской республики, полную взлетов и падений, имперского величия и личных трагедий. С присущей всем итальянцам импульсивностью рассказчик заранее предупредил Андрея о том, что, существенно сокращая свое повествование о Венеции, он поистине совершает преступление перед предками. Ибо история эта соткана из несчетного числа увлекательнейших исторических моментов, каждый из которых в отдельности и все они вместе и являются Великой Венецианской Республикой! В какой-то момент красноречивый итальянец неожиданно прервал свой рассказ и, толкнув замечтавшегося Андрея локтем в бок, воскликнул:

– Быстро, быстро взгляните в иллюминатор! Видите тот высокий горный пик? Это легендарный Маттерхорн! Эта гора находится на границе Италии и Швейцарии. По форме она похожа на правильную четырехгранную пирамиду, причем ее грани строго ориентированы по сторонам света. Эта неприступная скала забрала уже несколько сотен жизней отважных альпинистов. Вы пробовали швейцарский шоколад Toblerone?

– Кажется, это тот, который треугольной формы?

– Точно!

– Нет, у нас он не продается. Я видел только рекламу в одном иностранном журнале.

– Помните силуэт горы на его этикетке, слева перед названием? Так вот – это и есть Маттерхорн. Настоятельно советую вам попробовать этот шоколад. Он продается в Италии на каждом углу.

Три с половиной часа в полете пролетели для Андрея словно пять минут. За интересным разговором он и не заметил, как самолет уже начал заходить на посадку в аэропорту Марко Поло.

– Рассказчик из меня, конечно, никудышный, – кокетливо резюмировал свое повествование Тоцци, – чего не скажешь о моем старом приятеле – Роберто Кьяцо. Вот он действительно ходячая история! Много лет руководил государственным архивом Венеции и знает о ней все. Кстати, он нас сейчас встречает. И именно у него вам можно будет остановиться на первое время. Отличный малый! К тому же вот уже несколько лет как вдовец и живет совершенно один. И не вздумайте опять меня благодарить!

Последняя фраза итальянца опередила желание Андрея в очередной раз выразить ему свою признательность. Он решил, что постоянно повторять слова благодарности и извиняться действительно неуместно. В задумчивости он прильнул к стеклу иллюминатора и попытался разглядеть внизу город, так настойчиво позвавший его к себе.

6. Во дворце дожей

После скорбных событий в палатце герцога Веньера и однозначной роли в этой истории маэстро Фалди последний постоянно ждал дня, когда его арестуют. К нему и так давно тянула свои кровавые руки инквизиция, которая уже сожгла нескольких из его коллег-стеклодувов за куда меньшие преступления перед верой. А уж если они выяснят, что чередой смертей в доме герцога вызвана зеркалом, которое создал он, – ему точно конец! И никакие индульгенции и жертвоприношения ему больше не помогут...

И вот однажды вечером, уже на исходе лета, когда солнечные дни еще нагревали каменный город докрасна, а прохладные ночи уже напоминали о приближении холодной поры, маэстро дремал возле камина в своем большом пустом палатце, и, как водится для одинокого старика в столь поздний час, в его седой голове мысль о приближении неотвратимого конца перемежалась с извечным вопросом о смысле бытия...

Его размышления прервал настойчивый стук в дверь. «Ну, вот и все», – подумал старик и, захватив канделябр, пошел встречать посланников своей неминуемой смерти. В последние годы из многочисленной когда-то прислуги он оставил в доме только старую полуглухую служанку Марию, которую не захотел сейчас будить, дабы она не стала свидетельницей его унижений. Маэстро неторопливо спустился по лестнице на первый этаж дома и направился к парадным дверям, как вдруг повторный стук заставил его остановиться и повернуть голову вправо. Вопреки его ожиданиям, незваные гости пожаловали не к главному входу, а к маленькой дверце для особых гостей, которая выходила на один из самых тихих и темных каналов города. И поскольку, к этой незаметной двери можно было добраться, только подплыв на гондоле, ею любили пользоваться особые клиенты маэстро, которые не хотели, чтобы их видели посторонние глаза на улице. Фалди проследовал до конца по правому длинному коридору дома и, свернув влево, зашел в маленький сырой закуток с невысокой массивной дверью.

– Кто там? Чего надо? – рявкнул старик, стараясь придать своему голосу побольше уверенности.

– У меня важное послание для Доминика Фалди, – ответил голос за дверью.

– Что за послания по ночам?! – возмутился маэстро. – Я уже не в том возрасте, черт побери, чтобы обмениваться любовными письмами при луне!

– Дело государственной важности! Извольте немедленно отворить!

Голос гостя был настойчив, но спокоен. И в то же время в его интонации чувствовалась особая железная уверенность, присущая только тем, кто служит высшей государственной власти. «В конце концов, если бы это была инквизиция, то они бы не стали скрестись в боковую дверь, а сразу вломились бы с парадного входа», – подумал Фалди. На всякий случай он снял со стены мушкет и отодвинул скрипучий засов.

В дверном проеме показалась высокая фигура человека в черном одеянии, который стоял в гондоле и медленно покачивался в такт волне. Гость слегка поклонился хозяину дома и открыл свой плащ. Фалди сразу узнал нагрудный знак арсеналотти – элитного отряда гвардейцев, охранявших дожа. Офицерам этого отряда поручали только самые опасные и важные поручения. В голове Фалди тут же пронеслась отчаянная мысль о том, что еще неизвестно, что хуже: увидеть на пороге своего дома головорезов-инквизиторов или арсеналотти. И первые, и вторые могли пригласить его только на одну прогулку – по краю бездны в один конец!

– Прошу прощения за столь поздний визит, – отчеканил гость, – но дело крайне важное! Вас незамедлительно ждут во дворце!

В высшем обществе давно ходили слухи, что во дворце полным-полно шпионов, а приходящие к дожу письма, даже от собственных детей, вскрывать он мог лишь в присутствии членов Малого Совета. Именно по этой причине самые важные сообщения он передавал в уст-

ной форме через самых доверенных арсеналотти. Фалди, конечно же, был осведомлен об этих правилах игры. Он без лишних вопросов облачился в свой парадный камзол и отплыл во дворец в сопровождении гонца.

Гондола с ночными путниками неслышно заскользила по зеркальной глади венецианских каналов. Время от времени они встречались с другими лодками, которые, как призраки, бесшумно выскакивали из тумана им навстречу. При этом пассажиры обеих гондол, поравнявшихся бортами, одновременно отворачивались и прикрывали лица, опуская края шляп. Все ночные венецианские «прохожие» предпочитали путешествовать инкогнито.

Фалди бывал во дворце дождей неоднократно и много раз участвовал в заседаниях Большого Совета. Но сейчас он понимал, что в такой поздний час и при такой таинственности его вряд ли поведут по парадной лестнице напрямик в приемную дожа. Когда гондола выплыла с севера на дворцовый канал и через некоторое время начала сбавлять ход, Фалди понял, что не ошибся в своих предположениях. Проникать во дворец с «черного хода» ему еще не доводилось...

Гондола остановилась возле неприметной каменной лестницы под Мостом Вздохов, который соединял два самых важных здания Венеции: дворец дождей и тюрьму. «Вот дьявол! Я же добровольно явился в тюрьму!» – содрогнувшись, подумал Фалди, поднимаясь по ступеням. Перед ним отворилась массивная дверь, и через мгновение он оказался внутри темного помещения. В нескольких шагах от него, словно паря в воздухе, трепетал слабый огонек свечи. При этом человека, державшего ее, видно не было.

– Не задавайте лишних вопросов и следуйте, пожалуйста, за мной, – раздался низкий мужской голос.

Пламя свечи заколыхалось и вдруг исчезло. Но через мгновение свет выхватил из темноты полукруглый свод низкого коридора и очертания фигуры, неторопливо удаляющейся от Фалди. На дрожащих ногах он засеменял за провожатым, ежеминутно оглядываясь назад.

Низкий длинный коридор сменила узкая винтовая лестница, поднявшись по которой, Фалди оказался в круглом помещении без окон, но с двумя дверями. Сопровождающий его человек подошел к одной из них, трижды в нее постучал и задул свечу, растворившись во мраке. Темнота, мгновенно окутавшая маэстро, оказалась настолько плотной, что сначала он решил, что ослеп. Он несколько раз закрыл и открыл глаза, но ничего вокруг не изменилось. И в тот момент, когда его лицо исказила гримаса ужаса, а рот открылся для крика, дверь широко распахнулась, обжигая его светом и теплом.

– Прошу вас! Смелее! – пригласил войти очень знакомый волевой голос.

Фалди сделал несколько шагов вперед и очутился в небольшом кабинете. Дверь тихо закрылась за его спиной, повинуясь какому-то скрытому механизму.

В первую очередь он поднял голову вверх и взглянул на единственную двухъярусную люстру, свисающую с потолка. Это была профессиональная привычка старого мастера. Дело в том, что в Венеции не оставалось, пожалуй, ни одного дворца, потолок которого не украшала бы люстра, изготовленная руками Фалди...

Вот теперь он знал на сто процентов, где находится и кто его пригласил! Перед ним, возле огромного камина со львами, сидел в резном кресле дож Венеции – Андреа Гритти! Этот великий человек был уже на склоне лет. Но несмотря на многочисленные болезни и кажущуюся старческую немощь, в его колючих глазах по-прежнему горело пламя борьбы, а пальцы рук, изуродованные подагрой, все еще держались за власть стальной хваткой! Это был настоящий лев!..

Его путь к власти был долгим и тернистым. Свою карьеру он начинал в европейском дипломатическом корпусе в Османской империи, где рьяно отстаивал интересы Венеции. Был арестован в Константинополе по анонимному доносу и провел в тюрьме около четырех лет.

После благополучного освобождения вернулся в республику, где сделал головокружительную военную карьеру, венцом которой был долгожданный мир и военный союз с Францией!

В 1509 году Андреа Гритти был избран прокуратором Базилики Сан-Марко. Это назначение являлось привилегией, которой обладало ограниченное число венецианской знати, и показателем успешной политической карьеры. Но, добравшись в 1523 году до олимпа власти, как и большинство его предшественников, Андреа Гритти стал заложником коварной политической системы республики. Вместо активной политической деятельности, направленной на укрепление величия и могущества Венеции, он был вынужден отчаянно бороться одновременно за свою жизнь, власть и свободу. Впрочем, последнюю он потерял безвозвратно уже несколько лет назад, когда особым декретом ему было запрещено покидать город.

– Присаживайтесь! – произнес дож, небрежно взмахнув рукой в сторону соседнего кресла. – Надеюсь, вы меня узнали.

– Да, конечно! Вы – великий...

– Здесь не принято называть имен. И говорите, пожалуйста, тише. Тише...

Обо всем, что делал Гритти, тайные шпионы тут же докладывали Малому Совету, в котором было очень много его недругов. Около трех лет назад, во время большого ремонта, в личных апартаментах дожа за одной из стен был обнаружен тайный коридор, который вел к месту прослушивания непосредственно за его кроватью в спальне. Это помещение было незамедлительно замуровано, но Гритти прекрасно понимал, что подобных шпионских лазов во дворце было еще много.

– Признаюсь честно, – медленно произнес Гритти, – я долго выбирал, к кому обратиться за поддержкой. В столь трудный для меня час мне практически не на кого опереться. Враги и шпионы окружили меня.

– Но чем я, ничтожный ремесленник, могу помочь такой могущественной фигуре?

– Я давно наблюдаю за вами. Во всей республике не найдется мастера, равного вам по таланту. К тому же лучшая гарантия от предательства – это страх казни. Верно? Ведь дьявольское зеркало, которое вы изготовили для несчастной дочери некоего герцога, – это настоящее окно в преисподнюю!

Произнося последние слова, дож поднял правую руку вверх, указывая перстом в потолок, и наклонился в своем кресле в сторону Фалди, прожигая его пронзительным взглядом. Маэстро словно уменьшился вдвое. Его пробил озноб, на лбу выступила испарина. Он онемел и почти физически почувствовал холод кандалов на своих запястьях...

Удовлетворенный произведенным эффектом, Гритти спокойно продолжил:

– Кстати, оно теперь у меня. Ведь это к лучшему, если такая вещь будет храниться у вашего друга, нежели у врага. Верно? Ведь мы друзья?

– Я всю жизнь по мере сил служу процветанию нашей республики, – пролепетал Фалди. – И служить вам – высшая награда, о которой только может мечтать простой гражданин.

– Вполне благоразумное решение. Позвольте теперь объяснить, какая именно услуга мне от вас требуется. Как я говорил ранее, у меня много недругов. И бороться с ними в открытую я не имею возможности. Моя власть сейчас сильно ограничена. Но мне все равно, кто там восседает в Совете с умным напыщенным лицом. Мне нужно, чтобы вы сделали для меня оружие правосудия. Инструмент справедливого воздаяния, если хотите.

– Простите?.. – не понял маэстро.

– Сейчас попробую объяснить. Мне нужно нечто, с помощью чего я мог бы тайно, не бросая на себя и тени подозрения, карать своих врагов, которые, конечно же, являются врагами республики...

– Позвольте, но разве в окружении такого могущественного человека, как вы, могут быть враги?

– Не перебивайте меня! Как бы мне донести до вас суть доступным языком? Возьмем, к примеру, нашу встречу. Вот мы с вами сидим, мирно беседуем и выпиваем вино. Кстати, угощайтесь! По окончании аудиенции в прекрасном расположении духа вы уезжаете домой, где через некоторое время умираете от никому неизвестной болезни.

– За что? Я же на все согласился! – отчаянно взмолился Фалди, в страхе отодвигая от себя бокал.

– Да успокойтесь же вы! Вы мне нужны живым. По крайней мере пока. Я всего лишь пытаюсь объяснить вам принцип действия необходимого мне оружия.

– Но я не большой знаток ядов... Точнее, я вообще ничего в них не понимаю.

– А мне не нужен яд! Я хочу обладать куда более совершенным оружием. Вы когда-нибудь слышали о византийском алхимике Верцибиусе?

Еще бы! Конечно же Фалди слышал об этом великом чародее! Ведь это именно он когда-то воплотил в жизнь легендарные «зеркала правды» для императора Константина V. Этому античному кудеснику приписывали также создание из стекла драгоценных камней, которые ни один ювелир не мог отличить от бриллиантов. Он же был автором стеклянной кольчуги, которая была почти невесома и держала удар любого холодного оружия...

– Вижу, что это имя вам хорошо знакомо. Так вот, много лет назад, когда я служил дипломатом в Османской империи, в моих руках оказался трактат этого еретика. Вернее, это была часть его рукописи. В ней говорилось о некоем сосуде, а точнее чаше, которая имела уникальное свойство выделять смертельный яд при наполнении ее вином. Самое поразительное, что вода, выпитая из этой же чаши, не приносила пьющему никакого вреда. Вот такая легенда! Кстати, эта рукопись до сих пор хранится в моем личном архиве. И если вы согласитесь воспроизвести для меня действующий вариант такой чаши, то я передам вам для изучения этот ценный документ – и в случае успеха озолочу!

Фалди столько лет охотился за трактатами Верцибиуса, что готов был продать душу дьяволу за еще один секрет этого непревзойденного мастера! Он буквально выдохнул:

– Да! Я готов на все!

– Другого ответа я от вас не ожидал. Документ доставят вам на днях. Раз в неделю мой доверенный арсеналотти будет вас навещать и справляться об успехах. Не разочаруйте меня!

– Не сомневайтесь! В моем лице вы нашли самого преданного сторонника! – воскликнул Фалди.

– Ну что ж, посмотрим. Возвращайтесь к себе и ожидайте моего гонца. Вас проводят. Да... и этой встречи не было!

После этих слов дверь из кабинета бесшумно открылась. В темноте дверного проема был виден огонек свечи, который одновременно и пугал и давал Фалди надежду. Поклонившись, он вышел из кабинета, после чего был доставлен домой – тем же способом, что и прибыл во дворец.

А дож Андреа Гритти, оставшись один, тихо произнес:

– В венецианских шахматах есть только один ферзь. Я. И я еще покажу свою силу этим ничтожным пешкам.

7. Легенда

Венеция очаровала Андрея, как только он ступил на ее землю. А если быть совсем точным, то Андрея в первую очередь поразила аэропорт Марко Поло. Этот шедевр современной итальянской инженерной мысли, хоть и располагался на материке, но был своего рода прологом фундаментального исторического романа под названием «Венеция». Тем более что быстрее всего добраться из аэропорта до города можно было по воде на такси или трамвае «вапоретто».

Согласно предварительным договоренностям Андрея и Тоцци встретил Роберто Кьяцо. Это был немолодой уже человек в сером костюме и шейном синем платке вместо галстука. Во всем его облике чувствовался неповторимый итальянский стиль, который с годами приобретал особый лоск и благородство. Он крепко пожал руку и гостеприимно поприветствовал Андрея на итальянской земле, а Тоцци он удостоил объятьем и кучей непередаваемых итальянских слов, произнесенных очень громко, но в то же время с отеческой теплотой. Кьяцо проводил гостей к пристани, где их ждал моторный катер с открытым верхом. Морской кабриолет лихо развернулся и взял курс на Венецию.

– Вы знаете, что ваш дальний предок, первый хозяин палаццо Фалди, был великим человеком? – спросил Кьяцо у Андрея, слегка прищурился свои глаза.

– К сожалению, мне о нем практически ничего не известно, – печально ответил Андрей.

– Очень плохо, молодой человек! Очень плохо! Можно понять, когда люди предаются забвению постыдные страницы своего рода, но невозможно простить тех, кто не знает своих героических предков!

– Ну что ты сразу пристал к нему со своими скелетами? Старый инквизитор! – спасительно вмешался Тоцци. – Дай нам прийти в себя после перелета.

А в это самое время из легкой туманной дымки на горизонте начали появляться очертания легендарного города... Сперва Андрею показалось, что он видит крепостную стену из черного камня с причудливыми башнями. И она росла прямо из воды. Но по мере приближения, эта стена потеряла однородность и словно разделилась на многочисленные строения с красной черепичной крышей. Андрей слышал, что Венецию часто сравнивали с Санкт-Петербургом. Какая чушь! Это два абсолютно непохожих города. И их различия можно было перечислять бесконечно. Но Андрею показалось, что было достаточно всего лишь одного, самого принципиального: Венеция столетиями всеми возможными силами противостояла неизбежной стихии, пытающейся ее поглотить, а Санкт-Петербург постепенно самоуничтожился при равнодушном попустительстве своих жителей и жадной вороватой власти.

– Андре, обратите внимание налево, – Кьяцо прервал размышления Андрея. – Это легендарный остров Мурано. Тут уже несколько веков расположены мастерские стеклодувов. Ваши предки тоже принадлежали к их числу. И именно здесь когда-то находилась ваша фамильная мастерская. Мы сейчас проплывем мимо этого острова. Чуть позже я проведу для вас персональную экскурсию по его каналам и улочкам. А вон тот небольшой остров чуть дальше – кладбище Сан-Микеле. Оно примечательно тем, что именно здесь нашли свой последний покой три ваших соотечественника: Иосиф Бродский, Сергей Дягилев и Игорь Стравинский. Это одно из самых популярных туристических мест Венеции. Скажите, а в России принято проводить экскурсии по кладбищам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.